

Меелис Марипуу

Холокост эстонских евреев и эстонцы

(„Викекаар“, авг.-сент. 2001). На англ. яз. см. «Estonia 1940 – 1945. Reports of the Estonian Internat. Comission for the Investigation of Crimes against Humanity. Tallinn, 2006).

Перевод с эстонского Инны Теплицкой.

Цель этой статьи – не оценка деятельности личностей или организаций, связанных с геноцидом эстонских евреев во время немецкой оккупации. Я хотел бы, скорее, сосредоточиться на имеющихся фактах, которые иногда остаются в тени при оценке событий. Изучая вопрос, неизбежно пришлось обратиться и к послевоенным следственным материалам советских репрессивных органов, часть которых до сих пор не использована историками. Для получения правдивой информации из этих документов, насыщенных идеологической лексикой, порой требуется быть критичным, а иногда просто чувствовать исследовательским нутром, что достойно доверия. Поэтому здесь нет категорических утверждений.

До советской оккупации в Эстонии жили примерно 4500 евреев, половина из них (2200 – 2300) – в Таллинне и Нымме. Большие группы евреев жили в Тарту – примерно 1000, в Пярну и Валга примерно 250 человек. Остальные жили маленькими группами по всей Эстонии.

В 1940 – 1941 гг. часть евреев активно присоединилась к политике советской оккупационной власти, что привело позже к враждебному отношению к евреям. По некоторым данным часть местных евреев еще до прихода большевиков была тесно связана с подпольной эстонской коммунистической партией, но вряд ли широкая общественность об этом знала. Таким образом, не достойно доверия, что именно этот факт мог повлиять на последующее отношение к евреям.

В то же время высылка 14 июня 1941 г., тяжело отразилась и на местных евреях. Около 400 человек были высланы, это 10% от всей еврейской общины¹. В 1941 г. немецкая оккупация прервала коммунистический террор. Но очевидно, что если бы он продолжался, то еврейская община не избавилась бы от последующих репрессий и убийств, так же как это случилось с эстонцами после окончания Второй мировой войны. И совсем не удивительно, что почти 1000 евреев не бежали вместе с Красной армией в Советский Союз, а решили остаться на месте и встретить немецкую оккупацию.

Надо думать, что с немецкой политикой по отношению к евреям эстонские евреи в общих чертах были знакомы. Связи между еврейскими общинами разных стран не

¹ V. S a l o, K ü ü d i t a t u d 1941. Tallinn, 1993, lk 8.

зависели от того, что писали газеты, кроме того, после начала Второй мировой войны в Эстонии появились евреи – беженцы из разных стран Европы.

Даже оставив в стороне «задний ум» и вспомнив, что еще не состоялась Ванзееская конференция 1942 г.², приближение войны означало для многих местных евреев, не сотрудничавших с советской властью, необходимость выбора между гетто и лагерями смерти или Сибирью.

Когда пришли немецкие войска, оставшиеся в Эстонии евреи, как и прежде, жили в основном в Таллинне, Тарту и Пярну. Только из Валги большинство евреев уехало в Россию, по крайней мере, среди списка евреев, убитых во время немецкой оккупации, составленного Евгением Гуриным–Лоовом и Виктором Бойковым, не упоминаются жители г. Валга.³

Подавляющее большинство оставшихся в Эстонии евреев было убито во второй половине 1941 г., несколько человек – позднее. По данным исследователей, число убитых в Эстонии евреев колеблется между 900 и 1000. Названные в различных источниках цифры очень близки друг к другу и поэтому вызывают доверие. Немецкая Оперативная группа А в своем сводном рапорте называет число убитых евреев – 963 и Немецкая полиция безопасности – чуть меньше – 921 (468 мужчин и 453 женщины).⁴ В списке убитых, составленном Гуриным–Лоовом и Бойковым, содержится 929 человек.⁵

Значительно сложнее выяснить конкретные обстоятельства убийства евреев – где, когда, по чьему приказу и кем. Это происходит, с одной стороны, по причине небольшого количества сохранившихся оригинальных документов, а с другой – из-за своеобразия советских материалов расследования. Например, в них не содержится упоминания национальности жертв, все они названы одинаково «советскими людьми» или «советскими патриотами». В редких случаях, когда в делах арестованного или убитого отмечено, что он – еврей, это происходило по инициативе допрашиваемого, но советский следователь никогда такого вопроса не задавал.

Истребление евреев в Эстонии отличалось от подобной практики в Литве и Латвии. Там с переменным успехом местное население провоцировалось на организацию еврейских погромов, и учинялись массовые убийства евреев. В октябре 1941 г. командир оперативной группы А Шталекер объяснил задачи идеи погромов – «Принимая во внимание, что народы Балтики после присоединения к СССР сильно страдали под властью большевиков и евреев, можно было ожидать, что, освободившись от чужеродного ига, народ сам обезвредится от большого числа

² В январе 1942 состоялась конференция глав немецкого правительства, на которой было принято решение об «окончательном решении еврейского вопроса» (нем. Endlösung), что означало начало планового уничтожения евреев.

³ E. Gurin - Loov, Suur Häving. Eesti juutide katastroof 1941. Tallinn, 1994, lk 214

⁴ Zahlen der von der Einsatzgruppe A bis 1.2. 1942 durchgeführten Exekutionen. Rmt-s: H. Krausnick, H. H. Wilhelm, Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938-1942. Stuttgart, 1981, lk 607; ERA (Rahvusarhiivi Riigiarhiiv) F.R819-1-12/1.98 Jahresstatistik 1941/42 über die Tätigkeit der Sicherheitspolizei (Geheime Staatspolizei. Abt.IV) in Estland.

⁵ E. Gurin - Loov, Suur Häving

врагов, оставшихся после отступления Красной Армии. В обязанности полиции безопасности входило инициирование соответствующих чисток и направление их в нужные каналы, чтобы как можно быстрее достигнуть цели операций по очистке. Не менее важно было неопровержимо доказать, что освобожденный народ принял правильные меры по отношению к большевикам и евреям по своей инициативе, таким образом замалчивалось бы участие немцев в этом деле».⁶

В Эстонии положение было другим. Оперативная группа А в докладной записке N 111 от 12 окт. 1941 г. об отношении эстонского народа к евреям отмечала⁷, что «спонтанных противоеврейских демонстраций не происходило». Через несколько недель в докладе о положении дел N 6 уточнялось, что «спонтанных противоеврейских демонстраций с последующими погромами не происходило».⁸ Это объяснялось неудовлетворительной пропагандой погромов в Эстонии. Учитывая малочисленность евреев и существующие в Эстонии отношения между ними и эстонцами, надо отметить, что здесь отсутствовали реальные предпосылки для провоцирования погромов.

Если верить послевоенным показаниям командира *Einsatzkommando 1a* др. Мартина Зандбергера, то отказ от еврейских погромов был частью целенаправленной политики, главной задачей которой было создание обстановки доверия между эстонским народом и немецкими оккупационными силами. Опыт Латвии показал, что чрезмерно открытое насилие, в том числе в отношении евреев, настраивает жителей против новой власти. С такой точкой зрения был согласен и непосредственный начальник Зандбергера командир оперативной группы А Шталекер.

Создание мирных отношений должно было происходить постепенно, шаг за шагом, без лишнего применения силы. Естественно, осталась в силе основная задача – вся «очистительная» деятельность должна выглядеть как местная инициатива и проводиться как бы на законном основании, что требовало от полиции выполнения некоторых бюрократических формальностей – заполнения документов, ведения протоколов допросов арестованных евреев. Более поздние их аресты проводились уже на основании распоряжения Зандбергера от 10 сентября 1941 г. Относительно расстрелов евреев Шталекер и Зандбергер договорились, что они будут производиться только членами эстонской самообороны Омакайтсе, а не подчиненным Зандбергеру отрядом особого назначения 1А.⁹

На настоящее время следственные дела имеются примерно на треть убитых евреев (324), но они преимущественно содержат минимальную информацию. Чаще всего папка заканчивается решением об аресте или протоколом допроса. Около 100 протоколов содержат приговор, вынесенный немецкой полицией безопасности и редко – другими инстанциями.

⁶ Gesamtbericht der EG A bis 15. Oktober 1941.

⁷ BA (Bundesarchiv) R-58/218

⁸ Там же. A. Weiss-Wendt, Sonderkommando 1a ja juudidprobleemi lõplik lahendamise Eestis. (Рукопись в распоряжении автора, 2000 г., будет опубликована в сборнике "Eesti sõjaline ja julgeolekupoliitiline ajalugu 1939-1956".)

⁹ A. Weiss-Wendt, Sonderkommando 1a ja juudidprobleemi lõplik lahendamise Eestis.

Аресты и убийства

Аресты и убийства евреев можно разделить на два этапа – до распоряжения начальника немецкой полиции безопасности Мартина Санденбергера от 10 сентября 1941 г. и после него. Однако, прямую разделительную черту все же провести нельзя.

На первом этапе евреев арестовывали в ходе общей тыловой чистки сразу после захвата территории немецкой армией по приказу немецких военных властей, а не по приказу *Einsatzkommando* или полиции безопасности, причем непосредственными исполнителями арестов и последующих расстрелов были находящиеся под надзором немцев эстонские «лесные братья», позднее – члены Омакайтсе и полицейские. Первейшей задачей этих операций было не уничтожение евреев, а арест коммунистов и их приспешников – членов истребительных батальонов и подобный контингент. Но арестованных евреев все же содержали в отдельных камерах. В этот период были арестованы и расстреляны в основном евреи-мужчины.

В разных городах этот процесс происходил по-разному. Например, в Тарту немецкие войска вошли 10-11 июля 1941 г., и уже 13 июля командир Южно-эстонского подразделения «лесных братьев» майор Кург при одобрении (скорее по приказу) коменданта Тарту Гозебруха приказал поместить всех арестованных евреев в только что созданный концлагерь.¹⁰ Во время боев за Тарту в городе возникали пожары, в них обвиняли евреев, в том числе и так называемых «детей с коктейлем Молотова», это служило подходящим поводом для их ареста. Сначала их поместили вместе в общий барак, в котором обычно содержались арестованные по легким обвинениям, им даже в определенной мере была разрешена связь с внешним миром (например, получать посылки). Вскоре евреев перевели в бараки для смертников или «бараки Лепика», созданные специально для евреев в гетто на ул. Парги.¹¹

По свидетельству Юхана Юристе, первого начальника концлагеря, в июле – августе 1941 г., в концлагере не было суда, полицейские Особого отдела, подчиненного немецкой военной комендатуре, приговаривали людей (в том числе, евреев) к расстрелу¹², но эти приговоры подлежали утверждению военной комендатуры или немецкой полиции безопасности.¹³

В Пярну расстрелы евреев 13 и 26 июля 1941 г. начались также под контролем немецких военных. К этому времени из Риги сюда прибыло особое подразделение немецкой полиции безопасности (*Einsatzkommando 1a*) под руководством Мартина Занденбергера, но отсутствуют данные о его непосредственном участии в убийстве евреев. Не ясно, по чьему конкретному приказу происходили убийства. Созданная в Пярну комиссия для установления участия немецких захватчиков и их приспешников в убийстве евреев, 7 февраля 1947 г. назвала в первую очередь

¹⁰ A. Weiss-Wendt, Sonderkommando la ja juudiprobleemi lõplik lahendamine Eestis.

¹¹ ERA PA (Rahvusarhiivi Riigiarhiivi Eraarhiivi osakond, end. Parteiarhiiv) F. 130/28195, kd I

¹² ERA PA F. 130/28195, kd I, L. 42

¹³ R. Västriik, Tartu koonduslaager 1941-1944. Tartu, 2000. Bakalaureusetöö Tartu Ülikooli ajaloo osakonnas.

виновными в преступлении в здании складских помещений, так называемом «амбаре Бети» его коменданта Гебе и коменданта г.Пярну Дессена.¹⁴

Ко дню распоряжения Зандбергера (10 сент. 1941 г.) об убийстве евреев в Пярну в течение июля и августа уже было расстреляно большинство мужчин (44 из 46).

Как в Тарту и Пярну, аресты евреев в Таллинне начались сразу при появлении немецких войск в городе, приказы об арестах исходили от армейских властей, а не от полиции безопасности. Согласно этим приказам аресты евреев-мужчин были обязанностью эстонской полиции. Хотя указанного документа, к сожалению, найти не удалось, имеется некоторые ссылки на него.¹⁵ В течение трех дней после захвата немцами Таллинна 28 августа 1941 г. Омакайтсе арестовал в числе прочих 42 «еврейских коммуниста». Арестованных прежде всего приводили в политическую полицию или местное отделение полиции. В некоторых случаях евреи содержались отдельно от других арестованных. В течение нескольких дней их переправляли в Таллиннскую центральную тюрьму (известную также как «Батарейная»). Там они тоже помещались в отдельные камеры. Аресты евреев продолжались и в течение августа – сентября. Приказ начальника полиции безопасности Зандбергера от 10 сент. 1941 г. означал начало второго этапа массовой политики антисемитизма в Эстонии. Хотя этот процесс и не устанавливал везде одинаковых правил, тем не менее было покончено с существовавшей до тех пор местной инициативой. Общим требованием было арестовать всех евреев мужчин старше 16 лет, но конкретные акции проводились в разных местах по-разному. Тартуских евреек – женщин пришлось запереть в синагоге, в Пярну было приказано арестовать только трудоспособных евреев обоего пола. В Таллинне всех трудоспособных женщин от 16 до 60 лет увезли в недавно построенный концлагерь Харку.¹⁶ Так как немедленная депортация была невозможна, полиция совместно с немецкими полевыми комендатурами вводила известные «традиционные» ограничения для евреев, например, запрет пользоваться общественным транспортом, обращаться в государственные учреждения, ходить в школу, заниматься торговлей, им полагалось прикреплять к одежде желтые звезды, имущество их подлежало конфискации. Списки евреев необходимо было подготовить к 20 сентября 1941 г.¹⁷

На самом деле в Тарту к 19 сентября 1941 г. было убито уже 50 евреев, и по сведениям полиции безопасности среди арестованных евреев больше не было.¹⁸ В течение последующего периода до лета 1942 г. подвергли особой процедуре (т.е. расстреляли) еще троих евреев, значит, всего 53 человека.¹⁹ По сведениям, опубликованным в книге Гурин – Лоов, в 1941-1942 гг. в Тарту убили 159 евреев, граждан Эстонии,²⁰ из них примерно в 100 случаях отсутствуют сведения о месте и

¹⁴ ERA PA F. 133.

¹⁵ A. Weiss-Wendt, Sonderkommando la ja juudiprobleemi lõplik lahendamise Eestis

¹⁶ A. Weiss-Wendt, Sonderkommando la ja juudiprobleemi lõplik lahendamise Eestis

¹⁷ KdS Eesti Sipo Rakvere välisosakonnale, 11. september 1941: E. G u r i n - L o o v, Suur häving, lk 24-25; BA, R-58/218 Ereignismeldung UdSSR nr 111, 12. oktoober 1941.

¹⁸ B A R-58/217 Ereignismeldung UdSSR nr 88, 19. september 1941

¹⁹ ERA F. R-819. N. 1.S. 12. L. 99

²⁰ E. G u r i n - L o o v, Suur Häving, lk 214.

времени убийства. Основываясь на советских судебных материалах,²¹ можно сказать, что еврейских мужчин полностью уничтожили здесь в июле – августе, а женщин и детей – в конце августа или сентябре. Так что в Тарту распоряжение Зандбергера от 10 сентября 1941 г. не было уже актуальным.

Приказ об аресте трудоспособных евреев в Пярну по существу касался женщин и, очевидно, детей, так как если расположить имеющиеся данные об убийствах евреев по датам, то выяснится, что мужчины к моменту приказа уже были уничтожены. Детей и женщин убивали отдельно, и это происходило в октябре и ноябре.²² Всего в Пярну погибло 130 – 140 евреев (по сведениям политической полиции 137, по списку Гурин – Лоов – 128).

Таким образом, распоряжение Зандбергера оказалось актуальным только для Таллинна. О том, что подавляющее большинство мужчин – евреев здесь было арестовано раньше названной даты – 10 сентября, свидетельствует сохранившийся в полиции безопасности список евреев, подлежащих расстрелу до 6 октября 1942 г. В нем названы 202 еврея мужского пола из Таллинна и Нымме и 2 женщины.²³ Исследователи (Вейсс – Вендт и Гурин – Лоов) были единодушны в утверждении, что таллиннских евреек и детей отправили в концлагерь Харку, а мужчин – в Центральную тюрьму

Если в Пярну в большинстве случаев даты расстрелов были известны, то дальнейшая судьба арестованных таллиннских евреев до сих пор не ясна. Исследователи пришли к согласию, что евреев расстреливали в Таллинне или его окрестностях. Трофейные документы оккупационного времени не дают об этом сведений, то же касается послевоенных расследований советской власти, возможным местом расстрела евреев некоторые свидетели называли Мяннику близ Таллинна. Массовые расстрелы арестованных евреев начались, по свидетельству тюремного надзирателя Карла Тагасааре, в начале сентября 1941 г., когда на расстрел увезли около 200 человек.²⁴ О национальности расстрелянных нигде не сказано. По списку Гурин – Лоов и Бойкова за 1941-1942 гг. было расстреляно по приговорам 293 таллиннских еврея, хотя по данным полиции безопасности эта цифра несколько занижена. Точных сведений о датах расстрелов нет, но можно сказать, что к 6 октября 1941 года две трети из них уже были убиты.

Таллиннских еврейских женщин и детей арестовали преимущественно в октябре, об их участии после лагеря в Харку сведения еще более разноречивы. Согласно одному утверждению, их увезли в Псков, где расстреляли в конце 1941 г., а, может быть, и в феврале 1942г. Начальник Эстонского самоуправления Оскар Ангелус назвал событие в Пскове фактически достоверным. По другому утверждению женщин и детей убили в Эстонии в декабре 1941г. По этому вопросу историки к единому мнению не пришли, так как источников очень мало.

²¹ ERA PA F. 129/1243, kd 1 Linde jt. L.171

²² ERA PA F.129/28668 Kaldre, Kuusik, Reinvald, Viksö E. Gurin-Loov, Suur Häving.

²³ ERAF. R-64. N.1.S. 100. L. 1-2.

²⁴ ERA PA F. 129/4474 I/L64.

Совершенно другая версия представлена на судебных слушаниях бывшим сотрудником политической полиции Яком Ляатсом. Он утверждал, что евреев частично расстреляли в лагере Харку (возможно, в его окрестностях), но «большое число арестованных в Таллинне евреев увезли в Рижское гетто, специально созданное для уничтожения евреев Прибалтийских республик».²⁵ Однако не найдено ни одного документа в пользу этого утверждения.

Запутан и вопрос о числе еврейских женщин и детей в концлагере Харку. А.Вейсс-Вендт в своих работах утверждал, что во вмещающем 500 – 600 человек лагере содержалось примерно 400 таллинских женщин и детей.²⁶ Согласно списку Гурин – Лоов и Бойкова²⁷, если вычесть тех, кто был убит до 6 октября, то остается 192 женщины и 36 детей до 16 л., то есть 228 евреев Таллинна, которых в принципе можно было отправить в Харку и, возможно, послать в Псков. По имеющемуся списку всего в период 1941-1942гг. было убито 518 евреев из Таллинна и Нымме²⁸. Согласно данным полиции безопасности, в Таллинне было расстреляно значительно больше евреев. Согласно этим спискам в период 1941-1942 в Таллинне были убиты 610 евреев, решение принято по поводу 640 и всего были задержаны 645.²⁹ К лету 1942 г. число убитых составило 643.³⁰ Кто были эти 125 евреев, не вошедшие в список, пока неизвестно. Если их присоединить к числу женщин и детей в Харку, то получится примерно 350 заключенных, цифра, близкая к данным Вейсс – Вендта – 400.

Несмотря на отсутствие фактического материала, сопоставимые данные немецкой полиции безопасности и вызывающего доверия списка Гуриной–Лоов и Бойкова позволяют предложить следующий вывод.

Примерно 100 евреев, жителей Тарту, в начале войны по разным причинам покинули свой город и остановились в Таллинне. Некоторые надеялись отсюда покинуть Эстонию или перебраться на жительство в новую среду, большой город, где легче скрыть свое еврейство. Так создалось положение, при котором в упоминаемом списке не нашли отражения бывшие жители Тарту, а в материалах полиции безопасности они сочтены убитыми евреями Таллинна.

Согласно списку Гурин-Лоов, в Тарту было убито в 1941 – 1942 гг. 159 евреев, а по статистике полиции безопасности – 53, то есть примерно на 100 человек меньше. В то же время в Таллинне произошло противоположное – по первому списку 518, а по второму 643. Однако, против этой математической схемы выступает утверждение, что в списках полиции безопасности мужчин-евреев подлежащих уничтожению до 6 окт.1941 г. нет ни одного, который был бы учтен в списке Гурин – Лоов и Бойкова, как тартуский еврей.

Подготовка к расстрелам в разных городах происходила одинаково (в описаниях не видна разница между расстрелами евреев и людей других национальностей).

²⁵ ERA PA F. 129/28653 IV L. 107.

²⁶ A. Weiss-Wendt, Sonderkommando la ja juudiprobleemi lõplik lahendamise Eestis.

²⁷ E. G u r i n - L o o v, Suur Häving

²⁸ ERA F.R-64.N.1.S.48.L.13.

²⁹ Там же

³⁰ ERA F. R-819. N. 1. S. 12. L. 99.

Посмотрим, как эта подготовка проходила в Таллиннской центральной тюрьме³¹. Из полиции безопасности в тюрьму посылались документы о смертном приговоре. Начальник тюрьмы или его заместитель накануне расстрела вечером передавал соответствующие списки арестантов дежурному зам. начальника охраны тюрьмы, который давал распоряжение поместить приговоренных в камеры для смертников. О предстоящей акции информировали старших надзирателей, которым предстояло принимать в ней участие. Остальной персонал о расстреле не информировался, о нем знали лишь непосредственные участники и стражники у главных ворот. Перед рассветом на грузовиках приезжала особая команда (называемая также спецкомандой политической полиции) вместе с представителями полиции безопасности, и им передавали приговоренных к расстрелу. Смертников приводили в комнату дежурного, где велась переключка, затем им приказывали раздеться до нижнего белья. Руки каждому связывали за спиной, а затем людей по 10-15 человек связывали друг с другом. После повторной переключки смертников передавали начальнику спецкоманды и увозили на грузовиках за город, где расстреливали.

Роль эстонцев в расстрелах

И в этом вопросе автор не хочет доказывать персональную виновность или невиновность отдельного человека в убийстве евреев, пусть это, при необходимости, сделают судебные органы. Здесь только проясню, как эстонцы были связаны с этими событиями.

Как уже говорилось, в первые месяцы немецкой оккупации (июль, август) аресты и расстрелы евреев проводились в большинстве случаев по решению немецких военных властей. Начиная с сентября, принципиальное решение принимало Особое управление 1 А (*Einsatzkommando 1a*), и созданная на его базе немецкая полиция безопасности. До конца не ясно, кто персонально давал приказы об арестах и расстрелах евреев в последующие два-три месяца. Вейсс – Вендт в своей работе³² этот вопрос поднял, но имеющиеся данные не позволяют определить, когда приказы давал лично начальник полиции безопасности и СД Зандбергер, а когда – кто-то из его заместителей.

Какова же была роль эстонской политической полиции? Исследования показывают, что если у немецкой полиции безопасности (ранее – Особое управление 1) была решающая роль, то эстонская политическая полиция играла центральную роль, как и планировал Зандбергер. Согласно его доктрине немедленные расстрелы следовало заменить необходимой бюрократической процедурой. Обязанностью эстонской политической полиции было вести дела о вине арестованных и вынести приговор³³, создавая таким образом видимость законной деятельности. В результате полицейские управления были забиты делами арестованных. Малочисленные сохранившиеся материалы не позволяют точно сказать, в какой степени приговор формально выносила эстонская политическая полиция, а

³¹ ERA PA F. 129/28653 1-XVIII Gerrets; 129/4474 I, II Isup Gerhard (mõisteteti 1945 surma).

³² A. Weiss-Wendt, Sonderkommando 1a ja juudidiprobleemi lõplik lahendamine Eestis.

³³ Eesti Poliitilise Politsei otsus võis omakorda baseeruda Saksa Julgeolekupolitsei otsusel.

немецкая полиция безопасности его утверждала или приговор выносился непосредственно немецкой полицией безопасности. Даже, когда приговор выносила эстонская политическая полиция, он имел для евреев чисто формальное значение, от которого их судьба на самом деле не зависела.

Эстонской политической полицией с сентября по декабрь 1941 г. руководил Роланд Лепик, который был связан с убийством арестованных уже с середины июля, когда он заведовал Особым отделом, а позднее был начальником недавно созданного Тартуского концлагеря³⁴. Кровавая карьера Лепика кончилась так же быстро, как и началась – в декабре 1941 г., когда его арестовала и расстреляла немецкая полиция безопасности. Его обвинили в чрезмерной жестокости и злоупотреблении властью, но, по мнению Вейсс-Вендта, это могло произойти и потому, что полиция безопасности хотела избавиться от лишних свидетелей первоначальных массовых убийств.

На основе результатов существующих исследований можно сказать, что одной из задач эстонской политической полиции было и само проведение расстрелов евреев. Первые расстрелы в Тартуском концлагере проводились под руководством начальника Особого отдела Роланда Лепика и офицера по особым поручениям капитана Александра Коолмейстера. Кому последний подчинялся, не знал даже начальник лагеря Юристе. Роль Коолмейстера заключалась в комплектовании расстрельных команд из охранников и в руководстве расстрелами. Организатором же всей системы убийств был главный фельдфебель немецкой полевой комендатуры Фриц Гизен³⁵.

В Пярну под руководством капитана Виллема Ранда и Аркадия Валда была создана специальная команда из 30 человек, которая должна была приводить в исполнение смертные приговоры политической полиции. Семь членов этой команды в советское время были приговорены к смертной казни. Несмотря на то, что в наличии имеются лишь советские судебные материалы, из данных следствия четырех обвиняемых – Калдре, Куузика, Вика и Рейнвалда можно заключить, что во время немецкой оккупации в убийствах (в том числе и евреев) принимали участие эстонцы из политической полиции г. Пярну и члены Омакайтсе. Похоже, что участие последних было более многочисленным. Руководителями расстрелов были капитан Х.Кубу, А.Валдин, В.Тедер и префект А.Оргуссаар, а наблюдали за исполнением приговоров два немецких фельдфебеля³⁶. Учитывая сомнения в объективности судебного процесса, не стоит на основе его материалов делать глубокие выводы о роли каждой личности в содеянном. Но у нас нет и оснований утверждать, что судили невиновных.

Заключенных из Центральной тюрьмы принимал осенью 1941 г. представитель полиции г.Таллинна Эрвин Вика, занимавший с 29 октября 1941 г. пост начальника Харьюской префектуры политической полиции. Сначала заместитель начальника охраны Центральной тюрьмы Исуп показывал, что расстреливали людей гестаповцы, а позднее изменил показание – это были сотрудники полиции

³⁴ ERA F. R-60. N. 2. S. 404. L. 1.

³⁵ R. Vä s t r i k, Tartu koonduslaager 1941-1944

³⁶ ERA PA F. 129/28668 Kaldre, Kuusik, Reinvald, Viks

безопасности и члены Омакайтсе. К концу 1941 г. команду расстреливавших возглавлял капитан Коолмейстер, до этого исполнявший ту же роль в Тарту³⁷.

Выводы

Как уже отмечалось, при сравнении отдельных данных советского судебного следствия неизбежно возникает вопрос о правдивости показаний. При знакомстве с протоколами допросов бывших сотрудников Таллиннской центральной тюрьмы можно считать, что основные факты изложены без искажений. Часто, однако, заметно, где кончаются показания свидетелей и появляются эпитеты следователей. Поэтому могут возникнуть неточности в оценке конкретной роли той или иной личности, не касающиеся основных вопросов. У бывших охранников тюрьмы не было причин скрывать большую непосредственную роль немцев в убийствах арестантов. Но и нельзя утверждать, что следователи давили на свидетелей, так как основная задача в данном случае была в другом.

Как оценить участие эстонцев в немецкой политике антисемитизма и в убийстве евреев Эстонии? Эстонскую политическую полицию нельзя рассматривать как самостоятельное учреждение, проводившее какую-то «свою» политику, ибо она выполняла приказы немецкой власти и была под ее непосредственным контролем. Деятельность членов Омакайтсе и охранников тюрем / лагерей (сформированных из тех же членов Омакайтсе) нужно рассматривать в двух аспектах. Во-первых мы имеем дело, в сущности, с солдатами (в широком смысле слова), которые выполняли приказы немецкой военной и полицейской власти. С другой стороны, члены Омакайтсе и полицейские были единственными, которым, наряду с немцами дали право носить оружие в тылу. В кризисной обстановке, к которой относится и война, на поверхность всегда всплывают «пистолетные герои», готовые делать, что хотят и убивать, кого хотят. Расстрельные команды были сформированы, по крайней мере частично, на добровольных началах.

Если учесть скромное количество эстонских евреев по сравнению с Латвией и особенно с Литвой, число «расстрельщиков», необходимых для их уничтожения, и не должно было быть особенно большим. Хватило бы нескольких десятков убийц. Естественно, при этом надо учесть и желание эстонцев отомстить за советские репрессии, которое немцы умело направляли против мнимых врагов.

Если читать дела арестованных евреев, не складывается впечатления, что эстонцы ненавидели их как нацию. Отношение к евреям не отличалось от отношения к другим народам и зависело от их индивидуальных преступлений и поведения. Поэтому появились как доносы эстонцев на евреев, так и заявления и просьбы эстонцев к немецким властям об освобождении отдельных евреев, что делалось с риском для собственного будущего. В архиве сохранились, например, просьбы об освобождении Соломона Эпштейна и Абрама Абе Басса. За лояльность последнего эстонцы готовы были поручиться³⁸. Нередки случаи когда эстонцы давали

³⁷ ERA PA F 129/4474 I, II Isup Gerhard (mõisteti 1945 surma).

³⁸ ERA F. R-64. N. 4. S. 1045. L. 9-10; F. R -64. N. 4 S. 185. L. 10 (Kirjad on publitseeritud rmt-s: E. Gurin-Loov, Suur Häving).

положительную характеристику подследственным евреям, давая свои показания. Например, подчиненные арестованного Лейба Липелиса, свидетельствовали, как в июне 1941 г. он прятал от НКВД своего подчиненного – эстонца³⁹.

Эстонский народ должен был бы стать достаточно «взрослым», чтобы осмелиться признаться себе, что не все эстонские мужчины, носившие в прошлом оружие, были героями. Но нет у нашего народа и причины для посыпания головы пеплом.

³⁹ ERA F. R-64. N. 4. S. 458 (kiri on publitseeritud rmt-s: E. Gurin-Loov, Suur Häving)

Poliiitlise Politsei Ulemale
Tallinna Komandandi kaudu.-

Artell " Originaali " tööliste, asukoht
Tallinnas, Vene 18,

A v a l d u s j a p a l v e .

Neil päevil areteeriti meie artelli asjaajaja Salomon
E p s t e i n juudi rahvusest päritolu tõttu.

Meie allakirjutanud töölisid julgeme tema vahi alt
vabastamiseks ja tema isiku iseloomustamiseks ette kanda
järgmist:

Tunneme Salomon Epstein'i juba pikemat aega kui lojaalset
kodanikku, kes oli küll sünnilt juut, kuid oma mõttelaadilt
vihkas juutlust, oli heas läbikäimises eesti seltskonnaga ja
haruldases heas vahekorras artelli perega, kes kõik on rahvuselt
eestlased.-

Kogu artellis töötamise ajal avaldas S. Epstein oma otsust
vihkamist kommunistidele, selgesõnalist mitmel ja mitmel korral
tõi meie ees avalikult ette, et kommunismist pääsemiseks ei
ole teist väljapääsu, kui tuleb oodata sakaa abi. Seda saksa
vabastamist ootas tema pikisilmi, varjamata, kuigi see selles
olukorras oli temale äärmiselt hädasohtlik.

Meie, allakirjutanud, teame, et peale kõige oli tema täie-
likus vastolus kohapealse juutlusega. Tema juutluse politika
vihkamine oli isegi nii tugev, et vaatamata juutluse survele,
tema abiellus riigisakslannaga, oli temaga heas abielus kuni
täni ning perekonna läbikäimine oli juutlusega seetõttu
tema täielikult katkenud, välja arvatud paar tema lähemat sugu-
last, kes teda perekondlikult harva külastasid.-

Bolshevikkude reshiimi ajal kannatas Salomon Epstein
suurima määraneni.- Tema varad natsionaliseeriti, korteri sisse-
seade müüdi sunniviisil ning korteris elamisvõimalusi kitsendati.-

Tema poeg areteeriti ning areteerituna on Venesse viidud.-

Tema vastolude tõttu juutlusega sattus ta enamluse reshiimi
ajal väga raskesse seisukorda. Teda ei võetud ühtegi artelli,
kus tegutsesid juudid.- Kuna tema varemalt töötas kaasa oma
abikaasa kalanterii-äris, mis eestlaste poolt oli heas kuulsuses,
siis võtsime teda oma artelli, kui asjatundjat pesuõblemise
tööde korraldamise alal. Artellis töötajatega oli temal hea
läbisaamine ning tema avameelse bolshevikkude vastase meelsuse
tõttu, võimegi kinnitada, et tema vihkas kommuniste, oli vast-
olus juutlusega ja kannatas enamluse reshiimi all ning avameel-
selt ootas Eestisse sakslasi vabastajatena.-

Toodud asjaolul palume tarbekorral meid ülekuulata, toodud
asjaolude tõendamiseks ning arvesse võtta esitatud asjaolud
tema seisukorra kergendamiseks.-

Meie esindajatena palume vastu võtta Maire Ojastet ja
M. Riiki.-

M. Ojastet L. Kangur.
P. Riis J. Alas. R. Ojastet
L. Vello H. Laukoi. L. Laaga.
A. Kunda L. Ojastet
H. Aug. A. Koit
H. Aebi. M. Lemmi.

Väljavõte Salomon Epstein'i juurdlustoimikust - töökaaslaste palvekirj.

ERA.FR-64.N.4.S.185.L.10.

Начальнику политической полиции
Через коменданта г.Таллинна

От рабочих артели "Оригинал",
расположенной в Таллинне на ул. Вене, 18.

Заявление и просьба

На-днях арестован делопроизводитель нашей артели Соломон Эпштейн как представитель еврейской нации. Мы, подписавшиеся рабочие артели, в целях его освобождения и личной характеристики, осмеливаемся сообщить Вам следующее.

Мы долгое время знаем С.Эпштейна как лояльного гражданина, который, хоть и еврей по рождению, но по образу мыслей еврейство ненавидел, был в хороших отношениях с эстонским обществом и прекрасно относился к сотрудникам нашей артели, которые все эстонцы.

В течение всего времени работы в артели С.Эпштейн показывал свою ненависть к коммунистам, много раз открыто нам говорил, что спасение от коммунистов может исходить только от немцев, прихода которых он ждал открыто и с нетерпением, хотя в существующих условиях для него это было крайне опасно.

Мы, нижеподписавшиеся, знаем, что, кроме того, он выступал против еврейской общины. Его ненависть к ней была так сильна, что, несмотря на недовольство общины, он женился на эстонской немке, прожил с ней в согласии до сих пор и полностью порвал с еврейством, не считая нескольких ближайших родственников, которые, хоть и редко, его навещали.

С.Эпштейн сильно пострадал от большевистского режима. Его имущество национализировали, обстановку квартиры заставили продать, подселили новых жильцов. Сына его арестовали и увезли в Россию. Из-за нелюбви С.Эпштейном евреев, он при большевистском режиме попал в труднейшее положение. Его нигде не принимали на работу в артели, где работали евреи. Так как раньше он с женой владел галантерейным магазином, который у эстонцев был на хорошем счету, мы приняли его в свою артель как специалиста по организации пошива белья. Он хорошо относился к сотрудникам артели, мы знаем о его откровенной неприязни к большевикам. Все это позволяет утверждать, что он ненавидел коммунистов, был против евреев, страдал от большевистского режима и открыто ждал прихода в Эстонию немцев-освободителей.

Просим в случае необходимости нас вызвать для подтверждения и учесть наши доводы для облегчения участи С.Эпштейна. Просим принять в качестве наших представителей Майре Оясте и М.Рийка.

14 подписей. Из следственного дела Эпштейна.